

Анна Гумерова

ИГРА В РЫЦАРЕЙ НА СТРАНИЦАХ МЕМУАРОВ Н. П. АНЦИФЕРОВА

Игра, в процессе которой дети создают вымышленные миры, нередко представляет собой явление, сочетающее элементы игровой импровизации и художественного творчества (создание текстов, рисунков, географических карт и прочих артефактов, связанных с игровыми сюжетами и мотивами). Игра такого рода детально описана в мемуарах историка и литературоведа Н. П. Анциферова (1889–1958), где на фоне изображения реалий и событий повседневности показано взросление ребенка. Важно отметить, что герой мемуаров — читающий ребенок, который растет в обстановке насыщенного культурного и литературного контекста. Во второй и особенно в третьей части мемуаров Н. П. Анциферов подробно описывает импровизационную «игру в рыцарей», в которой для него и его друзей гармонично соединялись представления об исторических событиях, впечатления от прочитанной литературы и собственная фантазия. Вымышленные персонажи, представляющие собой отражение реальных исторических и литературных персонажей, стали особенно дороги играющим; биография таких персонажей глубоко и логично прорабатывается с помощью исторических и литературных источников; сюжеты игры надолго остаются в памяти автора мемуаров и его товарищей по игре. Можно предположить, что в описании игры в рыцарей мы видим первое проявление тех индивидуальных творческих и исследовательских особенностей, присущих Н. П. Анциферову, которые в будущем легли в основу его научного метода.

Ключевые слова: детская игра, утопия, биография, мемуары, локально-исторический метод, импровизация, творчество, Николай Анциферов

Анна Леонидовна Гумерова

Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН

Москва

gratia4@yandex.ru

Сюжетно-ролевые игры, широко распространенные в детских игровых практиках, можно отнести к детскому творчеству. Значимую часть таких игр представляет собой так называемая «игра в страну-мечту» (определение предложено С. М. Лойтер, см. например, [Лойтер 2001]), то есть в вымышленную страну, которую создают играющие дети. Необходимо заметить, что хотя в исследованиях, рассматривающих это явление, подчеркивается прежде всего фикциональность «страны», в выражении «игра в страну-мечту» есть потенциал идеи утопического мира, который может тем или иным образом соотноситься с реальной историей и географией, но иметь черты идеального. Е. Н. Суворкина предлагает ряд синонимических терминов для игры такого рода — наряду с выражением «страна-мечта» она приводит выражения «страна-утопия», «вымышленная страна», «воображаемый мир», «детский эрзац-мир» [Суворкина 2016, 148]. Е. В. Ковалева говорит о игровой составляющей литературного творчества как базовой в целом и подчеркивает «литературность» детских утопий [Ковалева 2021, 219–220].

Тема игры ярко и детально раскрывается в мемуарах Николая Павловича Анциферова (1889–1958), историка, культуролога, основателя локально-исторического метода в литературоведении.

Наряду с описанием дорогих для Н. П. Анциферова мест, людей, прочитанных книг, детских и юношеских переживаний мы видим в этих мемуарах подробные и развернутые описания «игры в рыцарей». Автор не ограничивается краткими упоминаниями — история создания «игры в рыцарей» подробно описана на страницах, посвященных детству и отрочеству. Читатель мемуаров может проследить, как игра постепенно развивается и в поздней своей фазе приобретает черты литературной импровизации.

Сам Анциферов не сопоставляет напрямую свои научные труды с детским увлечением играми в рыцарей. Поэтому проблема может быть поставлена так: можем ли мы, несмотря на отсутствие прямых указаний, видеть в подробно описанной им игровой практике предвосхищение изобретения нового научного метода или это будет слишком большим допущением?

Мемуары Н. П. Анциферова были изданы трудами А. И. Добкина в 1992 г. под названием «Из дум о былом». Д. С. Московская в статье «Мемуары Анциферова как документ истории и памятник культуры» справедливо указывает на проведенную Добкиным большую разыскательную работу: «в ходе которой были выявлены ранее неизвестные исторические материалы, дополнившие

собой реальный комментарий» [Московская 2014, 201]. Это издание было и остается наиболее полным на настоящий момент¹. В 2015 г. в серии «Русская Италия» были опубликованы полные варианты глав мемуаров, посвященные путешествиям Н. П. Анциферова по Италии в 1910–1914 гг.² Однако, как можно видеть при обращении к изданию 1992 г., мемуары печатаются с сокращениями. Как указывает Д. С. Московская в уже процитированной статье, «учет информационной потребности читателя предопределил состав и полноту публикуемых Добкиным текстов», причем некоторые эпизоды «были изъяты Добкиным и дошли до читателя в кратких редакторских пересказах-резюме в постраничном комментарии» [Московская 2014, 202]. В частности, к таким эпизодам относится описание «игры в рыцарей» во третьей части мемуаров, поэтому, для того чтобы изучить вопрос детской игры у Анциферова, возникла необходимость в некоторых случаях обращаться к более подробному варианту мемуаров³.

На особую роль игры для мироощущения Анциферова указывает А. И. Добкин во вступительной статье к изданным им мемуарам: «На протяжении всего повествования развивается мотив игры: от самозабвенной рыцарской игры в отрочестве до трагических забав с мухами и пятнами сырости в камере-одиночке 1930 г.» [Добкин 1992, 6]. О способности Анциферова увлечься игрой, о его склонности к созданию вымышленного, утопического мира, пишут и другие исследователи. Так, Д. С. Московская обращает внимание на утопичность воображения Анциферова-ребенка, характерную для него уже в раннем детстве: во время жизни с отцом и матерью на южном берегу Крыма мальчик предпринимает вымышленные «путешествия» в «сияющий мир Эллады» с верой «в созданные фантазией ребенка Острова блаженных, где нет места страданиям и смерти и куда в воображении он переселял любимых людей и животных» [Московская 2021, 6]. В статье «Литературные аллюзии в воспоминаниях Н. П. Анциферова („Норге“») М. Р. Ненарокова, анализируя путешествие юного Анциферова по Норвегии и подчеркивая исключительную роль художественных произведений — отсылку к произведениям Ибсена, Гауптмана и т. д., преобладающих в его описании пейзажей Норвегии, указывает: «Он стремится стать не просто читателем, а словно бы невидимым литературным персонажем, хочет воочию увидеть тот мир, который изображен в произведениях его любимых авторов» [Ненарокова 2015, 50].

Разумеется, говоря о мемуарах Анциферова, невозможно забыть о времени их создания — работа над ними начинается, вероятно,

в 1939 г., и продолжается в начале и конце сороковых годов (см. [Московская 2014, 206–207], [Московская 2017, 53]. Иными словами, мы имеем дело не с наивным непосредственным описанием происходящего, а с рефлексией уже сложившегося ученого, прошедшего многие испытания. Значимость этого подчеркивает и сам Анциферов: «Я искал в своей памяти, что осело в ней от моего детства, и записал, что нашел. Записал так, как понял уцелевшее в душе, уже затронутой надвигающейся старостью» [Московская 2014, 203]

О детских играх речь идет во второй и третьей частях мемуаров («Отрочество» / «Годы отрочества» и «Prima Vera»); «игра в рыцарей» прослеживается от ее начала в 1900 г. до упоминаний в рассказе о 1911 г., параллельно показано постепенное взросление повествователя и других участников игры. Если во второй части игра развивается в локусе вымышленной страны, то в третьей — действие переносится в реально существующую Англию, не вымышленную, хотя сам Анциферов видит прямую связь между этими играми. В «Отрочестве» описывается постепенное развитие «игры в рыцарей», представленное сначала в виде «случайно возникшей» игры в вымышленные королевства «Амонию», «Парамонию» и «Рондалию»: Анциферов подробно рассказывает о создании карт этих стран братьями Фортунатовыми и им самим [см. Анциферов 1992, 56].

Затем к картам добавляется собственно «игра в рыцарей», в которую постепенно вовлекаются и другие друзья Анциферова — братья Белокопытовы, брат и сестра Навашины, Александр Попов. «Родилась эта игра так, — сообщает Анциферов. — В тетрадке я рисовал (увлекшись Вальтером Скоттом) рыцарей, поколение за поколением <...> Я давал иные имена: Эдуард, Ричард, Роланд, Роберт и т. д. *И каждому сочинял биографию* (курсив мой — А. Г.)». У вымышленных персонажей появляется биография, они перестают быть только функциями для игры. Затем Анциферов подробно описывает правила проведения войн и турниров, и мы видим, что игра ведется бумажными фигурками на нарисованной карте и состоит «в осадах замков и городов» [Анциферов 1992, 60]. Интересно, что в работах С. М. Лойтер, где рассматривается анциферовская «игра в рыцарей», ставится акцент только на самом первом описании этой игры, например: «Амония, Парамония и Рондалия (Анциферова)» [Лойтер 2015, 153], несмотря на то что в третьей части мемуаров игра в рыцарей описана гораздо ярче и подробнее, с упоминанием её сюжетов, и ей посвящены многие страницы третьей части мемуа-

ров. Возможно, такой подход объясняется тем, что в игре в рыцарей, описанной в третьей части мемуаров, речь уже идет не о вполне вымышленной стране (действие игры происходит в Англии, с некоторой оговоркой — «в нашей детской Англии» [Анциферов 1992, 79]); кроме того, в издании 1992 г. в части «Prima Vera» описание игры существенно сокращено. Однако необходимо заметить, что между этими играми есть определенная преемственность: так, в обеих играх есть идея прерванной династии⁴: «Между тем в Рондалии иссякла старшая линия династии и воцарился представитель младшей линии юноша Севастиан» [Анциферов 1992, 56]; «Между тем умер бездетный король и оборвалась старшая линия Плантагенетов» [Анциферов 1992, 72].

В письме Григорию Фортунатову от 28 октября 1902 г., отправленном после отъезда Фортунатовых из Киева, Анциферов пишет: «Играешь ли ты в рыцари... я себе сделал большой замок и 2 отряда... король Александр убит, а на его место выбран старик 60 лет» [Анциферов 2021, 41]. Заметим, что и здесь присутствуют обе составляющие игры — самодельный большой замок и схожая событийная канва. В части «Prima Vera» Анциферов играет уже не с Фортунатовыми, а с Дмитрием и Татьяной Навашиными. Анциферов специально отмечает, что действие этой игры в рыцарей происходит в реально существующей стране: «У играющих не было теперь особых государств. Мы все сошлись на одном, и это, конечно, была родина Шекспира — Англия» [Анциферов 1992, 71]. Характеризуя Англию как родину Шекспира, Анциферов подчеркивает литературность локуса их игры. Мемуары Анциферова в этом плане не представляют собой какое-то исключение: игры по такого рода художественным мирам часто упоминаются в воспоминаниях о детстве, как в близких по времени к мемуарам Анциферова, так и в более ранних и более поздних. В монографии «„Усадебный текст“ и национальный культурный код: русско-британские литературные связи XIX — начала XXI в.» Г. А. Велигорский перечисляет автобиографические произведения XIX–XX вв., в которых описана «игра в Робинзона»: записки актера А. П. Ленского, воспоминания А. Ф. Достоевского и художницы Т. А. Луговской, автобиографическую повесть Н. К. Крупской; в записках Ленского появляется также игра в Дон Кихота [см. Велигорский 2022, 324–327].

В записках Ленского и воспоминаниях А. Ф. Достоевского подчеркивается, что играющие принимают на себя роли Робинзона и Пятницы. Описание, которое дает Анциферов в «Prima Vera», в определенном смысле схоже — играющие отождествляют себя

с персонажами, причем, судя по описанию, есть три персонажа, жестко «привязанных» к каждому участнику игры, но есть и другие, за которых они тоже могут высказываться в случае необходимости:

К концу лета, вероятно, в связи с приближением нашего поступления в гимназию... наши интересы сосредоточились на школе... <...> В Йоркской школе обучалась и красавица-дочь герцога Йорка Тереза... <...> В нее был страстно влюблен юноша Люцио Пакенгейм, ее товарищ по школе. У него был соперник — веселый трубадур Жюисак. *Тереза принадлежала Тане, Люцио — мне, Жюисак — Мите* (курсив мой — А. Г.) [Анциферов 1992, 71].

Иными словами, эти три персонажа близки участникам игры по каким-то особым причинам. Здесь же появляется одно из немногих указаний на связь сюжетов игры с реальной жизнью играющих детей — они готовятся поступать в гимназию, поэтому играют в школу.

В описании сюжетов игры можно узнать сюжеты английской истории, куда вплетаются биографии вымышленных персонажей:

Вопрос о престолонаследии вызвал разногласия. Старшей в роде оказалась женщина, дочь беспутного герцога Бетфорда, вождя реакционеров в парламенте. Звали ее Элеонора. Она была девица. Следующим претендентом явился Роланд; он был старшим в роде по мужской линии. <...> Он был влюблен в дочь Лейстера — Лору (сестру Люцио Пакенгейма). Болезненный Роланд отказывался от престола, но его убедили для блага и спокойствия Англии согласиться возложить на себя корону [Анциферов 1992, 72].

Как говорилось выше, в этой игре повторяются мотивы, присутствовавшие в игре с Фортунатовыми — смерть бездетного короля, вопросы о престолонаследии. Поэтому мы можем предположить, что их привнес в игру сам Николай Анциферов.

За редкими исключениями в этой части мемуаров мы почти не видим, как происходит сама игра: в части «Отрочество» сам процесс игры описан более ярко, здесь же акцент переходит на рассказ о сюжетах, о том, что происходило с персонажами, которые остаются дороги Анциферову спустя много лет. Однако в некоторых случаях по этим пересказам можно представить, как могли развиваться действия: «Люцио... в пламенной речи изложил весь ход событий, указал на находчивость и военное искусство отца, сумевшего найтись при столь тяжких обстоятельствах и спасти хоть часть войска. (Дувр — с места: „Уложив лучшую часть армии!“) Люцио:

„Славная смерть их — пример героизма и верности...“» [Анциферов 1992, 73–74]. Здесь передан импровизационный диалог двух играющих — самого Николая Анциферова и Дмитрия Навашина, поскольку, как упоминается выше, Дувр был «любимцем» или «созданным» именно им [Анциферов 1992, 73].

Отдельный интерес представляет эпизод смерти короля Роланда — перед нами единственный фрагмент из повествования об игре, где сочетаются не только сюжет и изображение игрового процесса, но и описан выход из игры:

Чувствуя близкий конец, король сел на коня и в сопровождении верного пажан ночью покинул Лондон. Он держал путь в монастырь, где была пострижена Лора... <...> Бедная Лора была потрясена болезненным видом Роланда. Она поняла, что дни его сочтены. Роланд стал перед ней на колени. <...> Прощальная речь была произнесена Роландом в стихах (это была импровизация Тани). Оба мы, играющие (Мити не было), были вдохновлены импровизацией. Потрясенный всем пережитым, Роланд умер в келье монахини... <...> На другое утро все знали, что в ее келье было обнаружено тело исчезнувшего короля. Лора была заточена в отдаленнейший монастырь Шотландии. Когда она умирала, ее посетило виденье: Роланд, распятый на кресте... <...> Когда мы сложили наших рыцарей в коробки из-под гаванских сигар и вышли в столовую, Александра Савельевна ахнула от нашего вида [Анциферов 1992, 74].

Заметим подчеркнуто резкий переход между внутренним сюжетом игрового мира и необходимостью «сложить рыцарей в коробки из-под гаванских сигар».

Если в предыдущем эпизоде был зафиксирован импровизированный диалог играющих, то здесь мы видим указание на импровизированный стихотворный монолог Татьяны Навашинной. Естественней было бы представить, что Татьяна Навашина взяла бы на себя роль Лоры, оставив Николаю Анциферову роль Роланда, однако, как мы видим, слова Роланда произносит Татьяна, причем в мемуарах Николай Анциферов никак не отмечает это как нечто необычное. Это может значить, что, несмотря на глубокое переживание сюжета игрового мира, играющие в данном случае не принимали на себя роли этих персонажей буквально.

Интересно, что Татьяна Навашина в письме Николаю Анциферову от 16 октября 1910 г. замечает: «Что же касается молитвенного отношения к жизни, то не только легенда о нем мне знакома, и если бы мои сочинения были напечатаны, то я сослалась бы на мою балладу о рыцаре Черной башни, что этот вопрос затронут и од-

на из сторон его решена» [Навашина 1905–1913, л. 56]. Очевидно, письмо обращено к человеку, который понимает ее с полуслова, и поэтому фраза выглядит для стороннего читателя достаточно загадочной, однако можно предположить, что по мотивам этого сюжета ею действительно была написана баллада о явлении Лоре видения Роланда на кресте, предвещающего смерть героя, — в таком случае Анциферов в своих мемуарах пересказывает не столько саму игру, сколько балладу, написанную на ее основе.

Из воспоминаний Анциферова мы знаем, что Татьяна Навашина возвращалась к сюжетам игры в процессе литературного творчества: годом позже Анциферов напишет в дневнике, который процитирует в мемуарах: «Таня... пишет биографии наших рыцарей» [Анциферов, л. 233].

В 1905 г., по свидетельству Анциферова, на характер и содержание игры начинают влиять события окружающей действительности; но одновременно углубляется и интерес к историческим материалам: их знание необходимо для как можно более точного изображения войны Англии и Франции, с которой связаны сюжеты «игры в рыцарей»:

Мы включили так же на общих началах новую страницу в нашу игру — Францию. Мы готовились к Англо-французской войне. Началось заготовлением рыцарей. Никогда еще мы столько не заглядывали в иллюстрированные курсы Средних веков, в иллюстрированное издание Шекспира [Анциферов, л. 204].

Действительно, уже позже, в 1906 г., Татьяна Навашина просит Анциферова принести «свод законов великой Англии» [Навашина 1905–1913, л. 1 об]) — возможно, это связано с ее сочинением в тот же период «биографий» рыцарей.

Первоначально англичане продвигались успешно. Но французы собрались с силами и готовились к генеральному бою. (Мне уже было разрешено врачами играть на полу. Был конец зимы 1904–1905 г.) Мелом был нарисован план местности со всеми озерами, реками, холмами [Анциферов, л. 205].

По этому описанию мы можем представить, как происходит игра — то есть сражение англичан и французов непосредственно изображается передвижением «рыцарей» по карте, нарисованной мелом на полу.

Вскоре после этого описывается смерть Люцио, рыцаря, принадлежащего самому Анциферову:

Тереза изменилась в лице, мгновенно покинула бал и помчалась к Люцио в его замок... Она его еще застала в живых. Ты все-таки пришла ко мне, — сказал Люцио. Это были его последние слова [Анциферов, л. 205–206].

Тереза, как мы помним, «принадлежала» Тане. В определенном смысле мы видим сюжетное повторение эпизода с Роландом и Лорой; это позволяет предположить, что Татьяна Навашина питала интерес к таким сюжетам.

Далее мы видим одну из самых ярких характеристик игры в рыцарей у Анциферова:

Со смертью моего любимого героя у меня упал интерес к рыцарской игре. Я потерял свой центр. *Каждый из нас, играющих так срастался со своим героем, что мы и без рыцарей, гуляя где-нибудь в лесу затевали беседы и споры, называя себя именами наших героев⁵. Игра так вплелась в жизнь, что грани стерлись* (курсив мой — А. Г.) [Анциферов 1992, 73].

В сущности, это единственное указание на то, что в «игре в рыцарей» присутствовал момент импровизации без каких-либо дополнительных деталей: участники, не имея перед собой «рыцарей», которых можно было бы сложить в коробку после игры, разговаривают от их имени и, вероятно, о том, что волновало бы их героев. И еще более важно, что таким образом в «игре в рыцарей» мы видим пример эмоционального соединения «я» и «другого», пусть и вымышленного персонажа; это Анциферов показывает не раз.

На этом эпизоде оканчивается описание игры, однако необходимо заметить, что Анциферов не относится к этому процессу исключительно как к детской игре. Он сравнивает игры в рыцарей не только с чем-либо, характерным именно для детства, но и с искусством, с творчеством: «Белинский писал: „Еще создание художника есть тайна для всех, еще он не брал пера в руки, а уже видит их (образы) ясно... он знает и то, что они будут говорить и делать, видит всю нить событий, которая обовьет и свяжет их между собой“». Такими *sui generis* художниками были и мы тогда, художниками-импровизаторами» [Анциферов 1992, 73–74]; «Вся игра в рыцари как я уже отмечал, держалась на импровизации, которая начиналась в момент рисования. Это было то, что называл Н. Н. Евреинов „театр для себя“... <...> В студенческие годы я сделал сообщение о нашей игре на квартире музыканта Ан. Ник. Дроздова.

Кажется, был и М. Гнесин. Д-р Кульбин так заинтересовался нашими рыцарями, что взял с меня слово описать эту отроческую игру, закончившуюся на заре» [Анциферов, л. 206]. Заметим, что здесь Анциферов напрямую сопоставляет свою игру с импровизационным театром; и, по его словам, в момент рисования импровизация только начиналась. К сожалению, каких-либо следов упомянутого сообщения не сохранилось, и можно только предполагать, в чем именно Анциферов мог бы видеть прямое сходство игры в рыцарей с «театром для себя» Евреинова.

Сам Евреинов, в свою очередь, сопоставляет «театр для себя» с детскими играми. По описанию сценариев пьес-импровизаций «театра для себя», которые приводит Евреинов в книге «Театр для себя», можно понять, что речь идет об импровизации на заданную тему, по большей части с привлечением партнеров. Отдельно необходимо отметить сценарий пьесы «Туристы в Петрограде»; в отличие от других предложенных Евреиновым пьес, здесь действие концентрируется не вокруг одного главного героя и его партнеров по игре, а вокруг города. В изложении Евреиновым сценария этой пьесы Петроград оживает перед восторженными глазами жителей Петрограда, которые смотрят на приевшийся им город свежим взглядом изображаемых ими «для себя» туристов: «Чтобы возратить интерес к надоевшему предмету, надо найти подход к нему, новые глаза для него. Нужен акт преображенья не предмета, а нас самих в отношении к нему... <...> Поистине, обозревая ту или иную старинную новость или новую старину, не требуется слишком большого напряжения фантазии, чтобы вообразить себя настоящим туристом, самым всамделишным новичком в Петрограде» [см. Евреинов 2002]. Здесь можно вспомнить, что в работе «О методах и типах историко-культурных экскурсий» Анциферов пишет о восприятии города в схожих выражениях. Д. С. Московская в послесловии к монографии Анциферова «Проблемы урбанизма в русской литературе», говоря об усвоенной им методике «чтения города» «как исторического документа в интересах постижения его воздействия на психологию, личную судьбу, историческое прошлое, настоящее и будущее его населения» [Московская 2009, 504], приводит его слова: «Будем искать... понимания окружающего, скучной обыденщины, и при новом подходе она покажется новой и заговорит с нами через камни мостовой... все то, на что привыкли смотреть незрячими глазами. Тогда раскроется интересная книга... обыденщина наполнится волнующим содержанием прошлого» [Московская 2009, 504]. Отметим, что Анциферов, как и

Евреинов, говорит о необходимости оживления обыденного города, только Евреинов прибегает для этого в основном к «театру для себя», к импровизации и в этом случае к остранению, а Анциферов, напротив, говорит о чтении города с помощью погружения в его историческое и бытовое прошлое; однако и у Евреинова говорится о погружении в прошлое Петербурга, а из описания игры в рыцарей у Анциферова, которую он сам сопоставлял с «театром для себя» Евреинова, мы видим, что она отчасти погружала играющих в историко-литературное прошлое — «в иллюстрированные курсы Средних веков, в иллюстрированное издание Шекспира» [Анциферов, л. 204].

Анциферов в своих мемуарах соотносит с рыцарской игрой жизнь своих товарищей. Так, рассказывая о смерти Дмитрия Навашина в Париже в 1937 г., он вспомнит сюжеты рыцарской игры: «я прочел в газетах, что в Париже, в Булонском лесу убит известный „невозвращенец“ Навашин... <...> Его убийство было связано с рядом политических террористических актов, оставшихся загадкой, в том числе с убийством какой-то знатной женщины в вагоне, на пути в Париж. Навашин вел широкую и роскошную жизнь в своем особняке на Елисейских полях (как герцог Дувр)... <...> Развернувшаяся перед Митей жизнь и ее конец были в каком-то смысле продолжением рыцарской игры» [Анциферов, л. 241]. А в 1911 г. напишет о повзрослевшей Татьяне Навашинной:

Таня и Оля... стали сочинять по вечерам какой-то роман, рассказывая друг другу о всяких похождениях вымышленных героев. Поздно вечером, проходя по коридору мимо их комнат, я с горечью слышал нервический смех, которым прерывались рассказы. Это было какое-то болезненное продолжение рыцарской игры, утратившей всякий *raison d'être*. <...> Они блуждали часами по улицам Петербурга — возбужденные своими рассказами и из своих прогулок выносили новые вымыслы [Анциферов, л. 235–236].

Анциферов, несмотря на свое скорее отрицательное отношение к описываемому, видит в совместном сочинении «какого-то романа» продолжение рыцарской игры — связь рыцарской игры с художественным творчеством для него выглядит совершенно естественной. Хотя, в отличие от игры, собственно игровых элементов здесь нет. Все, что мы видим — это «рассказы» двух девушек и их прогулки по улицам Петербурга. Итак, в жизни своих товарищей по игре в рыцарей, Дмитрия Навашина и Татьяны Навашинной, Анциферов видит продолжение игры в рыцарей. Можем ли мы

предположить, что игра в рыцарей продолжилась в жизни и в научном творчестве самого Анциферова?

Как можно видеть, роль детской игры в мемуарах Анциферова представляет собой довольно уникальный случай. В «игре в рыцарей» перед нами появляется Англия, которая, с одной стороны, является плодом детской фантазии, вымыслом, с другой — базируется на истории реальной. Мы можем видеть отсылки к тем или иным историческим персонажам; участники игры погружаются в историю средневековой Англии и исторические хроники Шекспира, уделяя особое внимание тому, что связано с рыцарством и законами, по которым оно живет. Сражения, интриги, биографии персонажей (которые очень дороги участникам игры) моделируются на основе тщательного освоения доступных источников. Для научных работ Н. П. Анциферова будет характерно схожее внимание к образам прошлого. В статье «Историческая наука как одна из форм борьбы за вечность», работа над которой продолжалась с 1918 г. по 1942 г. (Д. С. Московская называет эту работу «научным дневником его жизни» [Московская 2014, 210] Анциферов формулирует: «Историк — восстанавливая образы прошлого — спасает их от забвения, возвращает к жизни в грядущих веках, воскрешает их» [Анциферов 2004, 150]. В статье «Федоров и Анциферов: преемственность идей» Д. С. Московская подчеркивает связь легенды и истории для локального метода Анциферова:

Вера предков смогла преобразить этот город, и потому верующие, может быть, «никогда не умирали». Они действительно вмешиваются в сегодняшнюю историю, и земля говорит их голосами. <...> В людской вере предание обрело подлинное историческое бытие. Верой людской легенда превратилась в исторический факт, влияющий на ход истории. Анциферов-историк считал методологически важным, не отвергая «низких истин», обратиться к силе «возвышающего обмана» легенды, которую узаконила человеческая вера и в этой вере получившая историческое бытие [Московская 2011, 166].

Можно привести и слова Анциферова из доклада «Mater Franciscus» (1918 года), где идет речь о возможности узнать об историческом персонаже то, о чем не сказано в источниках, благодаря близкому пониманию его:

Не всегда удается сказать о далеких временах правду даже тогда, когда располагаешь непреложным свидетельством критически проверенного слова... <...> Пусть же не смутит нас и молчание источников, иначе многие чистые и глубокие струи былого навсегда заглохнут для нас. Взору

современника могли остаться недоступными едва заметные, впервые распутившиеся fioretti... <...> Задачей современного исследователя является отыскать их, чтобы былая жизнь не утратила для нас ничего из своего благоухания [Анциферов 1918, л. 2–3].

В сущности, Анциферов в своей игре в рыцарей делает именно то, что будет делать потом в своей научной работе — с той только разницей, что играющие имеют дело не с реальными историческими деятелями и с не вполне реальной историей. Анциферов «восстанавливает образы прошлого», изучает историю и людей, только в процессе игры он создает этих персонажей, опираясь, в том числе, на исторические и литературные источники, а в будущей своей работе — в экскурсиях, в литературоведческих исследованиях, в работах по истории культуры — воссоздает уже существующих в истории или литературе персонажей. Иными словами, в описании рыцарской игры в мемуарах Анциферова мы имеем дело не просто с описанием развитой творческой фантазии или очень глубоким погружением в детскую игру. Если, по мнению Анциферова, для Татьяны Навашинной игра в рыцарей продолжилась через несколько лет в виде совместного творчества с подругой, а для Дмитрия Навашина напрямую воплотилась в жизни и смерти, то и для самого Анциферова возможно проследить путь от историко-литературной игры в отрочестве до его научного творчества.

Локально-исторический метод Анциферова подразумевает соединение литературы и истории, реального и легендарного ландшафта — локус являет собой не только географическое понятие, но и становится, по выражению Д. С. Московской, «ментальной картой памяти», в котором уравнено «фактически существующее пространство и пространство воображаемое» [Московская 2021а, 9]. Соотнесение «фактически существующего» и «воображаемого» возвращает нас к самой идее игры и фантазии; в игре Анциферова точно так же соединялись вымышленные персонажи и сюжеты, литературные источники и реальная история Англии. Поэтому «игра в рыцарей» Николая Анциферова послужила одной из отправных точек становления его локально-исторического метода.

Примечания

- ¹ В 1978 г. и 1981 г. в историческом сборнике «Память» А. И. Добкин и А. Б. Рогинский под псевдонимами «Ю. Овчинников» и «С. Еленин» (см. [Добкин 1992, 11–12]) опубликовали несколько глав из воспоминаний Н. П. Анциферова с максимально подробными комментариями,

- предполагающими фундаментальную исследовательскую работу, см. [Клюев, Свешников 2017]; те же главы были изданы в журнале «Звезда» за 1989 г., № 4 [Московская 2014, 202].
- ² Вступительная статья и подготовка текста Д. С. Московской, подготовка текста и комментарии Д. С. Московской, М. Г. Талалай, А. Фарсетти.
- ³ Некоторые цитаты, отсутствующие в издании 1992 г., даны по машинописной копии: Анциферов Н. П. Память в борьбе со временем (Из дум о былом). Конволют 1. Семейный архив М. С. Анциферова. [1956–1957 гг.] Благодарю заведующую Отделом рукописей ИМЛИ им. А. М. Горького РАН Дарью Сергеевну Московскую за возможность ознакомиться с этим конволютом и за научную консультацию.
- ⁴ Можно предположить, что, помимо прочего, тема монарха, не имеющего наследника, и прерванной династии была достаточно актуальна для Российской Империи в описываемый период от 1900 г. до 1904 г.
- ⁵ Выражение «мы... затевали беседы и споры, называя себя именами наших героев» приведено по оригиналу рукописи: [Анциферов 1940-е г., л. 23] (То же см. [Анциферов, л. 206]). В издании 1992 г. дано: «Затевая беседы и споры, называли себя именами наших героев».

Литература

Источники

- Анциферов* — Анциферов Н. П. Память в борьбе со временем (Из дум о былом). Конволют 1. Семейный архив М. С. Анциферова. [1956–1957 гг.]
- Анциферов 1918* — Анциферов Н. П. «Mater Franciscus» (К вопросу об аскетизме Франциска Ассизского). Доклад, сделанный на заседании исторического кружка. 1918 // ОР РНБ. Ф. 27. Ед. хр. № 71.
- Анциферов 1940-е* — Анциферов Николай Павлович. Воспоминания. Часть III. «Primavera». Главы 1–5 // ОР РНБ. Ф. 27. Ед. хр. № 42. Л. 23. 1940-е гг.
- Анциферов 1992* — Анциферов Н. П. Из дум о былом: Воспоминания / Вступительная статья, сост., примеч. и аннотированный указатель имен А. И. Добкина. М.: Феникс: Культурная инициатива, 1992.
- Анциферов 2004* — Анциферов Н. П. «Историческая наука как одна из форм борьбы за вечность (Фрагменты)» (1918–1942) / Публ. и подготовка текста А. Свешникова, Б. Степанова // Исследования по истории русской мысли: Период. науч. сб. (арх. публ., исслед., воспоминания, письма, библиогр...): Ежегодник. 6 : 2003. / Под ред. М. А. Колерова. М., 2004. С. 136–162.
- Анциферов 2021* — Анциферов Н. П. «Такова наша жизнь в письмах»: Письма родным и друзьям, 1900–1950 / отв. ред.-сост., предисл. Д. С. Московская. М.: Новое литературное обозрение, 2021.

Евреинов 2002 — Евреинов Н. Н. Демон театральности / Сост., общ. ред. и комм. А. Ю. Зубкова и В. И. Максимова. М.; СПб.: Летний сад, 2002. URL: <http://teatr-lib.ru/Library/Evreinov/Demon/>.

Навашина 1905–1913 — Навашина Татьяна Сергеевна. Письма Николаю Павловичу Анциферову. 1905–1913 // ОР РНБ. Ф. 27. Ед. хр. № 308.

Исследования

Велигорский 2022 — Велигорский Г. А. «Усадебный текст» и национальный культурный код: русско-британские литературные связи XIX - начала ХХI в. М.: ИМЛИ РАН, 2022.

Добкин 1992 — Добкин А. И. Вступительная статья // Анциферов Н. П. Из дум о былом: Воспоминания / Вступительная статья, сост., примеч. и аннотированный указ. имен А. И. Добкина. М.: Феникс: Культурная инициатива, 1992. С. 3–10.

Клюев, Свешников 2017 — Клюев А. И., Свешников А. В. Новое издание воспоминаний Николая Петровича Анциферова // Диалог со временем: альманах. 2017. Вып. 59. С. 352–357.

Ковалева 2021 — Ковалева Е. В. Игры в утопию и утопия как игра // Образ будущего: сборник статей участников Международной научно-практической конференции, 19–20 февраля 2021, Орел: сборник статей. Орел: Картуш, 2021. С. 217–223.

Лойтер 2001 — Лойтер С. М. Русский детский фольклор и детская мифология: Исслед. и тексты. Петрозаводск: КГПУ, 2001.

Лойтер 2015 — Лойтер С. М. В пространстве В. Я. Проппа (возвращаясь к детским Швамбраниям как явлениям фольклора) // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2015. № 5 (150), авг. С. 82–87.

Московская 2009 — Московская Д. С. «Жизнь сквозь город...» Н. П. Анциферов — автор локального метода в литературоведении // Анциферов Н. П. Проблемы урбанизма в русской художественной литературе. Опыт построения образа города — Петербурга Достоевского — на основе анализа литературных традиций / Сост., подгот. текста, послесл. Д. С. Московской. М.: ИМЛИ им. А. М. Горького РАН, 2009. С. 491–565.

Московская 2011 — Московская Д. С. Федоров и Анциферов: преемственность идей // Литературоведческий журнал: Научное издание. 2011. № 29. С. 148–168.

Московская 2014 — Московская Д. С. Мемуары Н. П. Анциферова как документ истории и памятник литературы // «Московские Анциферовские чтения», международная научная конференция. Вторые московские

Анциферовские чтения: Сб. статей по материалам международной конференции, посвященной 140-летию В. Д. Бонч-Бруевича. М.: ГЛИМ: Три квадрата, 2014. С. 201–216.

Московская 2017 — Московская Д. С. «Я нашел в жизни то, что искал». Судьба и наследие Н. П. Анциферова // Мир русского слова. №2. 2017. С. 52–58.

Московская 2021 — Московская Д. С. К публикации эпистолярия Николая Анциферова // Анциферов Н. П. «Такова наша жизнь в письмах»: Письма родным и друзьям, 1900–1950 / отв. ред.-сост., предисл. Д. С. Московская. М.: Новое литературное обозрение, 2021. С. 5–40.

Московская 2021a — Московская Д. С. Вместо предисловия // Умнягин В. В. Соловки. Пейзаж российского разномыслия (на материале воспоминаний соловецких узников и романной прозы 2000-х гг.). М.: ИМЛИ РАН, 2021.

Ненарокова М. Р. — Ненарокова М. Р. Литературные аллюзии в воспоминаниях Н. П. Анциферова («Норге») // Современные тенденции развития науки и технологий. 2015. № 7–4. С. 50–58.

Суворкина 2016 — Суворкина Е. Н. Воображение как основа эрзац-миров субкультуры детства // Общество: философия, история, культура. 2016. № 12. С. 147–149.

References

Dobkin 1992 — Dobkin, A. I. (1992). Vstupitel' naja stat' ja [Introduction]. In N. P. Anciferov, A. I. Dobkin (Eds.), Iz dum o bylom: Vospominanija [From the Thoughts About the Past: Memoirs] (pp. 3–10). Moscow: Feniks — Kul'turnaja iniciativa Publ.

Kljuev, Sveshnikov 2017 — Kljuev, A. I., Sveshnikov, A. V. (2017). Novoe izdanie vospominanij Nikolaja Petrovicha Anciferova [A New Edition of Nikolay Petrovitch Amntsiferov's Memoirs]. Dialog so vremenem, 59, 352–357.

Kovaleva 2021 — Kovaleva, E. V. (2021). Iгры v utopiju i utopija kak igra [Playing Utopia and Utopia as a Game]. Obraz budushhego. Sbornik statej konferencii, 19–20 fevralya 2021, Orel [The Image of the Future: Conference Papers: February 19–20, 2021, Orel] (pp. 217–223). Orel: Kartush Publ.

Lojter 2001 — Lojter, S. M. (2001). Russkij detskij fol'klor i detskaja mifologija: Issledovanie i teksty [Russian Children's Folklore and Mythology: Researches and Texts]. Petrozavodsk: KGPU Publ.

Lojter 2015 — Lojter, S. M. (2015). V prostranstve V. Ja. Proppa (vozvrashajas' k detskim Shvambranim kak javlenijam fol'klora) [In the Space of V. J. Propp (Regarding Children's 'Shvambranas' as a Folklore Phenomenon)].

Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta, 5 (150), Aug, 82–87.

Moskovskaja 2009 — Moskovskaja, D. S. (2009). “Zhizn’ skvoz’ gorod...” N. P. Anciferov — avtor lokal’nogo metoda v literaturovedenii [“A Life Through the City...” N. P. Antsiferov as the Author of Local Method in the Literary Studies]. In N. P. Anciferov, D. S. Moskovskaja (Eds.), Problemy urbanizma v russoj hudozhestvennoj literature. Opyt postroenija obraza goroda — Peterburga Dostoevskogo — na osnove analiza literaturnyh tradicij [Problems of Urbanism in the Russian Fiction. Experience of Shaping of the City Image — Dostoevsky’s Peterburgh — Based on the Analysis of Literary Traditions] (pp. 491–565). Moscow: IMLI im. A. M. Gor’kogo RAN Publ.

Moskovskaja 2011 — Moskovskaja, D. S. (2011). Fedorov i Anciferov: preemstvennost’ idej [Fedorov and Antsiferov: The Continuity of Ideas]. Literaturovedcheskij zhurnal: Nauchnoe izdanie, 29, 148–168.

Moskovskaja 2014 — Moskovskaja, D. S. (2014). Memuary N. P. Anciferova kak dokument istorii i pamjatnik literatury [N. P. Antsiferov’s Memoirs as a Historical Document and Literary Monument]. In Vtorye moskovskie Anciferovskie chtenija. Sb. Statej po materialam mezhdunarodnoj konferencii, posvjashhennoj 140-letiju V. D. Bonch-Bruevicha [The 2nd Moscow Reading in the Memory of Antsiferov. Collected papers of the International Conference dedicated to 140th Anniversary of V. D. Bonch-Bruevich] (pp. 201–216). Moscow: GLM — Tri kvadrata Publ.

Moskovskaja 2017 — Moskovskaja, D. S. (2017). “Ja nashel v zhizni to, chto iskal”. Sud’ba i nasledie N. P. Anciferova [“I’ve Found What I Was Looking For”. The Fate and Heritage of N. P. Antsiferov]. Mir russkogo slova, 2, 52–58.

Moskovskaja 2021 — Moskovskaja, D. S. (2021). K publikacii jepistoljarija Nikolaja Anciferova [To the Publication of Nikolay Antsiferov’ Collected Epistles]. In N. P. Anciferov, D. S. Moskovskaja (Eds.), “Takova nasha zhizn’ v pis’mah”: Pis’ma rodnym i druz’jam (1900–1950-e gody) [“Such is Our Life in Letters”] (pp. 5–40). Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ.

Moskovskaja 2021 — Moskovskaja, D. S. (2021). Vmesto predislovija [Instead of the Preface]. In V. V. Umnyagin (Ed.), Solovki. Pejzazh rossijskogo raznomyслиja (na materiale vospominanij soloveckih uznikov i romannoj prozy 2000-h gg [Solovki. The landscape of Russian Dissent]. Moscow: IMLI RAN Publ.

Nenarokova 2015 — Nenarokova, M. R. (2015). Literaturnye alljuzii v vospominanijah N. P. Anciferova (“Norge”) [Literary Allusions in N. P. Antsiferov’s Memoirs (“Norge”)]. Sovremennye tendencii razvitija nauki i tehnologij, 7 (4), 50–58.

Suworkina 2016 — Suworkina, E. N. (2016). Voobrazhenie kak osnova jercacmirov subkul’tury detstva [Imagination as the Basis of the Ersatz-Worlds in the Subculture of Childhood]. Obshhestvo: filosofija, istorija, kul’tura, 12, 147–149.

Veligorskij 2022 — Veligorskij, G. A. (2022). “Usadebnyj tekst” i nacional’nyj kul’turnyj kod: russko-britanskije literaturnye svjazi XIX-nachala XXI veka [The “Estate” Text and the National Cultural Code: Russian-British Literary Relations of the 19th — Early 21st Century]. Moscow: IMLI RAN Publ.

Anna Gumerova

A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences; ORCID: 0000-0001-9795-0974

’PLAYING AT BEING KNIGHTS’ IN THE PAGES OF NIKOLAJ P. ANTSIFEROV’S MEMOIRS

Children’s engagement of imaginary worlds and events created when playing is thus a borderline phenomenon lying between game improvisation and artistic creation (the creation of texts, drawings, geographical maps and other artefacts associated with playful subjects and motifs). This kind of play is described in detail in the memoirs of the historian and literary scholar Nikolaj P. Antsiferov (1889–1958), which depict the realities and events of everyday life as a child growing up. In the second and especially in the third part of his memoirs Nikolaj Antsiferov describes in detail improvisational “playing at being knights”; this game harmoniously combined, for his friends and himself, certain historical events, fiction literature read by the company, and their own bright imagination. The fictional characters reflecting real historical and literary figures become especially dear to the players; biographies of such characters are developed thoroughly and logically with the help of historical and literature sources; the plots of the game remain in the memory of Nikolaj Antsiferov and his comrades in the game for a long time. We can assume that in the description of the playing at being knights we see the first manifestation of those individual creative and research features of Nikolaj Antsiferov, which later formed the basis of his scientific method.

Keywords: children’s play, utopia, biography, memoirs, local historical method, improvisation, creativity, Nikolaj Antsiferov